

УДК 343.3

DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-122-129

ПРЕСТУПНОЕ ПСИХИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЖИВОТНЫХ

Плешаков А. М.

*Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Целью данной работы было провести анализ видов преступного психического насилия, недостаточно изученных в теории уголовного права и редко встречающихся в судебно-следственной практике.

Процедура и методы исследования. Порядок изучения преступных посягательств с использованием животных базировался на применение логико-юридического метода, семантического, социально-психологического, сравнительного правоведения и выборочном анализе практики правоприменения.

Результаты проведённого исследования. В ходе работы был выделен самостоятельный уголовно-правовой характер психического насилия с использованием животных. Сформулированы выводы по оценке реальности и наличности преступной угрозы при возможном нападении различных животных.

Теоретическая и практическая значимость. В научном плане проведено обобщение угроз применения насилия и механизм устрашения потерпевшего в его объективном содержании и субъективном восприятии. В практическом аспекте рассмотрены основания уголовной ответственности при разбое, вымогательстве, уgone, хулиганстве и при совершение других преступлений с угрозой нападения на жертву животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека.

Ключевые слова: психическое насилие, осознание, угроза, страх, животные, уголовно-правовая оценка

CRIMINAL PSYCHOLOGICAL ABUSE WITH THE USE OF ANIMALS

A. Pleshakov

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot
12, Academic Volgin st., Moscow, 117437, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The aim of this paper was to analyze the types of criminal psychological abuse understudied in the theory of criminal law and rarely found in forensic practice.

Methodology and Approach. The procedure for studying criminal assaults with the use of animals was based on the use of the logical-legal method, semantic, socio-psychological, comparative legal and a selective analysis of law enforcement practice.

Results. In course of the study, an independent criminal legal nature of psychological abuse with the use of animals was revealed. The conclusions were made concerning the presence of a criminal threat in case of an animal attack.

Theoretical and Practical Value. The theoretical aspect lies in summarizing the threats of violence and the mechanism of intimidation of the victim in its objectivity and subjective perception. The practical aspect is in grounding criminal liability for robbery, extortion, theft, hooliganism and other crimes con-

nected with the threat of an animal attack. The article is intended for teachers, researchers, practitioners and anyone interested in criminal law issues.

Keywords: psychological abuse, awareness, threat, fear, animals, criminal legal assessment

В теории уголовного права по характеру воздействия на потерпевшего традиционно выделяют преступное физическое и психическое насилие [3, с. 376; 4, с. 3; 14, с. 51]. Под психическим насилием в его обобщённом виде, как правило, понимают противоправное воздействие на психику человека с целью подавления его воли путём угрозы причинения реального физического вреда [5, с. 20; 6, с. 81–82; 18, с. 34]. Частным вариантом психического насилия является угроза использования животного для совершения преступления. Условно назовём такую форму преступного поведения психическим зоологическим насилием. Уголовно-правовая суть этого социально-психологического и юридического феномена заключается в общественно опасном воздействии на психику потерпевшего путём запугивания нападением на него или его близких опасного животного.

Анализ самостоятельного характера психического насилия в преступлениях, совершаемых с использованием животных, обусловлен рядом научно-методических соображений. Во-первых, психическое подавление воли происходит через её чувственное отражение в сознании человека, а не через физические ощущения. Ожидание боли, эмоциональное её предчувствие нередко оказывает на психику и поведение потерпевшего гораздо большее влияние, чем сами физические страдания. Во-вторых, структура психического зоологического насилия ранее фактически не рассматривалась. В юридической литературе о возможности использования животных для устрашения потерпевших говорилось лишь фрагментарно.

В то же время эта проблема за последние годы дважды привлекала внимание высшего судебного органа страны. Так, в 2002 г. в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» было указано, что

действия лица, совершившего нападение с целью хищения чужого имущества с использованием собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, либо с угрозой применения такого насилия, с учётом конкретных обстоятельств дела, следует квалифицировать как разбой (с применением предметов, используемых как оружие).

В 2007 г. Верховный Суд РФ в постановлении «О судебной практике по делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений» подтвердил свою позицию о преступном использовании животных. Возможность их применения по делам данной категории определялась как один из способов физического или психического насилия.

Соответственно, при психическом зоологическом насилие животные, опасные для человека, могут выступать в качестве факультативных признаков объективной стороны состава преступления. При демонстрации потерпевшему таких животных они либо определяют способ психического насилия, либо выполняют роль предмета, который может быть использован как оружие, либо, чаще всего, эти элементы объективной стороны деяния взаимосвязаны.

При психическом насилие с использованием животных принудительному воздействию подвергается та часть индивидуального сознания, которая представляет собой совокупность ощущений, представлений, мыслей и чувств, отражающих объективную реальность. Искажение картины внешнего мира происходит за счёт угрозы причинения физического вреда или нарушения телесной неприкосновенности [10; 11; 13].

Угроза использования животного в своём объективном и субъективном содержании имеет ряд особенностей. С объективной стороны она представляет собой

конкретное, внешнее проявление преступных намерений, выраженных словесно либо наглядно, либо в сочетании этих форм. Как показывает опыт, при психическом зоологическом насилии фактически не встречаются конклюдентные или письменные угрозы виновного. Подавление воли к сопротивлению и к дальнейшему принудительному управлению поведением потерпевшего происходит за счёт своеобразной информационной атаки на вербальное и зрительное восприятие жертвы. Запугивание лица, т. е. его утрашение, обещание причинить зло, вызвать несчастье объективно может вызвать ряд последовательных угнетающих реакций: тревогу, испуг (боязнь), страх, ужас и панику. С субъективной стороны виновный осведомлён о подобном «воздействии страхом» [12, с. 6], предвидит реакции потерпевшего и стремится к этому.

Механизм утрашения при угрозе использования силы животного имеет психологические особенности генетического происхождения. Во-первых, любой человек на инстинктивном уровне боится опасных хищных или крупных животных, поскольку вполне ясно представляет себе последствия их нападения. Действительно, вид разъяренной, мощной собаки с оскаленной пастью, готовой вот-вот броситься на вас, способен вызвать первобытный и мгновенный ужас. Пожалуй, подобное восприятие опасности, основанное на предыдущей памяти бесконечного ряда поколений, даже более сильное, чем вид направленного пистолета. Во-вторых, подавляющее большинство людей опасаются не только ярко выраженной агрессии зверя или птицы, но и тех животных, которые находятся в спокойном состоянии, но всегда, защищаясь, готовы напасть. Это любые змеи, пауки, насекомые, хищные рыбы и т. д. Осознание опасности для собственной жизни или здоровья основано не только на доисторических прапереживаниях, но и на социально-негативном опыте людей, живущих сегодня.

Сочетание чувственного восприятия и эмоциональных реакций порождает аф-

фективное состояние – страх. В свое время З. Фрейд выделял две формы страха: реальный, т. е. рациональный и понятный, а также невротический, т. е. глубинный, подсознательный¹. Первый вид страха основан на внешних, вербальных раздражителях. Реальный страх имеет чувственно-образное содержание и базируется на ясном понимании угрозы от возможного нападения животного.

Страх блокирует или сужает сознание, существенно ограничивает разумность поведения и целесообразность мышления. Тормозится левое полушарие мозга с его способностью к критическому восприятию и анализу действий и событий. Резко активизируется правое полушарие с его эмоциями и воображением [7, с. 82; 19, с. 76–78].

Страх заставляет дрожать, кричать, орать или плакать. Порой страх вынуждает человека суетиться, действовать импульсивно, мчаться сломя голову неизвестно куда [9, с. 18]. Суть подобного психического состояния в том, чтобы спрятаться, не видеть и не слышать источника того, что пугает. Это этологическая (естественно-животная) реакция, связанная со стремлением сохранить себя. В таком поведении проявляется глубинная суть человека как биологического организма, его инстинкт жизни (самосохранение).

Реальный страх как субъективное состояние человека всегда обладает динамикой и его развитие может в определённых (интенсивных) случаях доходить до аффекта, по сути, до истерического припадка². Этот эмоциональный стресс, иррациональное переживание, «невротический страх», чрезмерно сильный по своей степени, обычно называют ужасом [2, с. 59–61]. По своей внешней форме ужас, порой, выражается в форме ступора, он парализует мышление и нарушает координацию, вплоть до того, что человек не может убежать от опасности. Жертва психической атаки застывает на месте или становится

¹ Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М., 2018. С. 400–401.

² Там же: С. 403.

ся крайне медлительной или даже может упасть без сознания. Это та же защитная эволюционная реакция, чтобы тебя не трогали, – притворись мёртвым.

Ужас от нападения животного иногда порождает панику (панические реакции), т. е. абсолютное отчаяние. В тех случаях, когда человек впадает в панику, для него всё вокруг исчезает, он уже ничего и никого не слышит. Реальный мир остаётся за рамками восприятия.

В уголовном законе нет понятий «страх», «ужас», «запугивание», «устрашение» и т. д. В юридическом плане эти угнетающие реакции и состояния объединены категорией «угроза». В Особенной части УК РФ содержится более 60 составов преступлений (простых и квалифицированных), в которых предусмотрен данный термин. Это понятие используется в различных словосочетаниях: «путём угроз», «соединённое с угрозой», «сопряжённое с угрозой». Однако наиболее часто употребляется правоположение «с применением угрозы насилия».

В связи с этим, все уголовно-правовые угрозы можно классифицировать, на наш взгляд, по трём основаниям:

- *По степени общественной опасности деяния.* Эта угроза насилия (более 63 % от всех видов угроз); насилия не опасного для жизни и здоровья (около 15 %); насилия опасного для жизни или здоровья либо угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (около 22 %);
- *По месту в структуре диспозиции нормы.* Это угроза как конструктивно-альтернативный признак деяния (около 40 %) или как квалифицирующий признак (около 60 %);
- *По месту в составе преступления.* Это угроза как самостоятельное деяние (ст.ст. 119, 296 УК РФ и др.) – около 7 % либо как признак объективной стороны в виде способа – около 93 %.

Все эти альтернативные угрозы гипотетически могут быть реализованы с по-

мощью любых представителей животного мира. Однако в практическом плане необходимо каждый раз конкретно определять тех животных, которых использовали для запугивания потерпевшего.

В постановлениях высшего судебного органа страны по делам о разбое, хулиганстве и иных преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений, указывался только один вид животного, с помощью которого виновный мог угрожать насильем, – собака. В обобщённой форме альтернативно отмечалось, что таковыми могут признаваться и другие животные, представляющие опасность для жизни или здоровья человека.

Подобные разъяснения Верховного Суда РФ лишь определили проблематику. В постановлениях, разумеется, не разъяснялось, о каких собаках идёт речь; какие другие животные могут быть использованы для психического насилия; какова форма угрозы нападения, с какого момента она возникает и т. д. В теории уголовного права решение вопросов подобного рода всегда предлагается достаточно традиционное: для правильной уголовно-правовой оценки содеянного необходимо учитывать все обстоятельства дела в их совокупности [1; 8; 15]. Однако понятно и то, что необходимы конкретные правовые ориентиры для такого процесса и результата.

Фактическую опасность для человека может представлять любая относительно крупная собака. Это обусловлено тем, что смысл действий виновного заключается в возможности натравливания животного на потерпевшего, т. е. в искусственном возбуждении агрессии. Соответственно сама по себе оценка угрозы нападения не зависит ни от природы канидов, ни от их помесей, ни от физической силы, ни от функционального предназначения: сторожевая, служебная, пастушеская, охотничья, бойцовская и т. п.

Как показывает опыт правоприменительной действительности, в процессуальных документах нередко указывается на использование собак «агрессивных пород». К ним обычно относят: американских

и стаффордширских терьеров, питбулей, алабаев, ротвейлеров, различных овчарок и т. п. Подобную практику нельзя признать правильной. Дело в том, что «агрессивных пород» нет ни в социальной реальности, ни в природных условиях. Ведь порода – это, прежде всего, физико-биологические признаки животных одно и того же вида. Данное понятие имеет условный характер, поскольку далеко не всегда порода может быть установлена достоверно, особенно при гибридизации помесей.

Агрессивность, т. е. способность к агрессии, характеризует внутреннее состояние животного в зависимости от непосредственной ситуации, а не является биологическим критерием собаки. Соответственно, подобное определение представляет собой газетное клише, штамп, литературную метафору. Их использование неприемлемо для применения уголовного закона, поскольку остается неясной правовая интерпретация данного понятия.

Всем известно, что агрессивными могут быть и собаки так называемых декоративных пород (карликовые, миниатюрные, комнатные, «игрушечные»). К ним относятся их различные и многообразные виды: пекинесы, болонки, мопсы, той-терьеры, чихуа-хуа и т. д. Однако в силу своих физических характеристик они вряд ли могут запугать потерпевшего даже при ярко выраженной агрессивности, хотя и способны причинить вред здоровью.

Для российской уголовно-правовой действительности «другие животные», представляющие опасность для человека, это скорее теоретическое положение, которое тем не менее имеет смысловое и ориентирующее значение. Дело в том, что как показывает опыт зарубежной правоохранительной деятельности, для угрозы нападения на потерпевшего иногда (хотя и не часто) используют самых разных животных [20]. Как правило, это такие звери или птицы, которые выполняют функцию охраны имущества или, реже, защиты хозяина. Соответственно, они вполне пригодны и для угрозы нападения. Это могут быть медведи, представители кошачьих

(леопарды, гепарды и др.), гиены, человекообразные обезьяны, крупные хищные птицы, страусы и т. д.

В юридической литературе было высказано мнение, что к опасным животным, которые могут использоваться для завладения чужим имуществом при разбойном нападении или для угона автомобиля, следует относить и змей [16, с. 127]. Казалось бы, это весьма действенное орудие для подвладения воли потерпевшего. Тем более, что у некоторой части людей боязнь змей порой достигает уровня фобий, т. е. постоянной формы страха, а большинство остальных большой любви к ним не испытывают. Однако в реальности трудно представить себе ситуацию целенаправленного травливания пресмыкающегося на другого человека. Так что это утверждение представляет собой скорее умозрительное или гипотетическое заключение. Ведь змеи – большие или маленькие, ядовитые или нет, но способные укусить, не поддаются обучению для совершения сложных действий. Эти животные не привыкают к человеку, не выполняют его команд, их трудно контролировать и удерживать в руках. Пресмыкающиеся внешне ленивы, медлительны, однако в какой-то момент способны взорваться стремительным броском. Использовать их непредсказуемое поведение для совершения таких динамичных преступлений как разбой или угон вряд ли целесообразно. Ведь для того, чтоб запугать потерпевшего путём демонстрации змеи, необходимо постоянное её нахождение в руках виновного. При таких условиях совершение преступных действий трудно осуществимо.

Одна из главных проблем на практике это оценка реальности угрозы нападения животного. Правоохранительные органы и суды в отдельных случаях оценивают угрозу в качестве одного из оснований уголовной ответственности, а в других, сходных ситуациях, они таковой вообще не признаётся.

Как показывает опыт судебно-следственной практики, запугивание в подавляющем большинстве случаев про-

исходит в устной форме. При этом, как правило, виновный использует слова «убью», «пришью», «задавлю» и т. п. или высказывает угрозу в нецензурной форме. В преступлениях с использованием животных картина иная. Здесь наблюдаются редкие, необычные виды устных угроз, имеющих пугающе-образный, эмоциональный характер. Психическое насилие обычно сопряжено с демонстрацией агрессии животного и может заключаться в таких выражениях как: «спущу кобеля», «посажу в муравейник», «толкну в клетку к медведю», «натравлю зверя» и т. п.

Так, например, Волховский городской суд Ленинградской области при рассмотрении уголовного дела о вымогательстве указал в приговоре, что виновные угрожали потерпевшему «привязать его к дереву у муравейника на съедение насекомым». Суд оценил такое запугивание, как психическое насилие, т. е. посчитал угрозу реальной [17, с. 56]. Судя по всему, потерпевший воспринял возможность его «съедения муравьями» как непосредственную угрозу жизни. Видимо, в этом были убеждены и сами виновные.

В уголовном праве действительность (реальность) опасности оценивается с учётом объективных обстоятельств, которые должны свидетельствовать о том, что у потерпевшего были все основания опасаться осуществления угрозы. В приведённом примере, хотя жертва вымогательства и опасалась за свою жизнь, объективно угроза была мнимой: в естественных климатических условиях России вымогатели могли запугивать потерпевшего только нападением рыжих лесных муравьёв (отряд перепончатокрылых). Разумеется, наши «рыжие» далеко не так опасны, как их тропические собратья. Это не муравьи-кочевники (эцетоны) с их организованностью и огромными челюстями, это не знаменитые огненные муравьи (жнецы) с самым сильным ядом среди всех жалящих насекомых, это не огромные дипонеры (конго), дости-

гающие 3 см в длину и армии которых обращают в бегство даже слонов .

Разумеется, субъективное восприятие опасности, исходящей от лесных перепончатокрылых было основано на объективных факторах. Их крупные муравейники достигают 10 м в диаметре и 2 м высотой, в каждом из которых живут до 800 тыс. особей. Своими челюстями и небольшими жалами они могут вызвать достаточно сильную боль. На протяжении длительного времени постоянные атаки муравьёв, видимо, способны причинить значительный вред здоровью потерпевшего. Однако съезд человека заживо вряд ли способны. По крайней мере, таких случаев в отечественной криминальной и медицинской практике пока не наблюдалось.

Таким образом, действительность зоологической угрозы и её непосредственность должны оцениваться с учётом места, времени, обстановки, вида домашних или диких животных, форм или способов запугивания и т. д. Следовательно, объективными основаниями совокупности подобных обстоятельств являются: наличие угрозы (начало и окончание устрашения); реальность (восприятие потерпевшим); интенсивность (демонстрация решимости виновного).

Опыт судебно-следственной практики показывает, что угроза использования животных для совершения насильственных преступлений достаточно редкое событие. Такие преступные посягательства совершаются неравномерно, иррегулярно (от случая к случаю), но постоянно, фактически каждый год. Соответственно, уголовно-правовая оценка психического зоологического насилия всегда требует установления целей и мотивов действий виновного, определения объёма и содержания угрозы использования животного в составе преступления.

Статья поступила в редакцию 19.12.19.

¹ Целлариус А. Ю. Опасные животные: энциклопедия. М., 2003. С. 331–337.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абубакиров Ф. М. Уголовно-правовая оценка насилия в уголовном законодательстве и судебной практике // Российский судья. 2011. № 8. С. 19–22.
2. Алексеева Л. В. Проблема юридически значимых эмоциональных состояний: учеб. пособие. Тюмень, 1998. 128 с.
3. Белогривец-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев, СПб, Харьков, 1903. 618 с.
4. Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. 167 с.
5. Гертель Е. В. Виды психического насилия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3. С. 16–20.
6. Гребенкин Ф. Б. Психическое насилие в преступлениях против собственности (сравнительно-правовой анализ). Киров, 2008. 188 с.
7. Еникеев М. И. Судебная психология. М., 1975. 137 с.
8. Зурушев А. К. Категория «насилие» в нормах Особенной части УК РФ и проблемы судебно-правовой оценки // Российский судья. 2008. № 9. С. 29–30.
9. Кандыба В. М. Криминальный гипноз. СПб., 2001. 448 с.
10. Коростылев О. Угроза в уголовном праве: понятие, виды, значение // Уголовное право. 2006. № 3. С. 37–40.
11. Крашенинников А. А. Угрозы в уголовном праве России (проблемы теории и правового регулирования). Ульяновск, 2002. 152 с.
12. Леввертова Р. А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. Омск, 1978. 103 с.
13. Лукьянова И. В. Угроза как преступление в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 184 с.
14. Наумов А. В. Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1997. С. 51–56.
15. Новиков В. А. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с применением насилия // Уголовное право. 2013. № 3. С. 34–38.
16. Применение насилия: понятие и квалификация: пособие / под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2016. 335 с.
17. Сафонов В. Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2000. 239 с.
18. Сердюк Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем. Волгоград, 1981. 62 с.
19. Чудновский В. С., Чистяков Н. Ф. Основы психиатрии. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 448 с.
20. Яни С. Преступность и животный мир (обзор) // Советская юстиция. 1989. № 22. С. 30–31.

REFERENCES

1. Abubakirov F. M. [Criminal-legal assessment of violence in the criminal law and judicial practice]. In: *Rossiiskii sudya* [Russian Judge], 2011, no. 8, pp. 19–22.
2. Alekseeva L. V. *Problema yuridicheskii znachimykh emotsional'nykh sostoyanii: ucheb. posobie* [The Problem of Legally Significant Emotional Conditions: A Course Book]. Tyumen, 1998. 128 p.
3. Belogrivets-Kotlyarevsky L. S. *Uchebnik russkogo ugolovnogo prava. Obshchaya i osobennaya chasti* [A Course of Russian Criminal Law. General and Special Parts]. Kiev-St. Petersburg-Kharkov, 1903. 618 p.
4. Gaukhan L. D. *Nasilie kak sredstvo soversheniya prestupleniya* [Violence as a Means of Committing a Crime]. Moscow, 1974. 167 p.
5. Gertel E. V. [Types of Psychological Abuse]. In: *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 2012, no. 3, pp. 16–20.
6. Grebenkin F. B. *Psikhicheskoe nasilie v prestupleniyakh protiv sobstvennosti (sравnitelno-pravovoi analiz)* [Psychological Abuse Against Property (Comparative Legal Analysis)]. Kirov, 2008. 188 p.
7. Enikeev M. I. *Sudebnaya psikhologiya* [Forensic Psychology]. Moscow, 1975. 137 p.
8. Zurushev A. K. [The category «violence» in the norms of the Special part of the criminal code of the Russian Federation and problems of judicial evaluation]. In: *Rossiiskii sudya* [Russian Judge], 2008, no. 9, pp. 29–30.

9. Kandyba V. M. *Kriminalnyi gipnoz* [Criminal Hypnosis]. St. Petersburg, 2001. 448 p.
10. Korostylev O. [Threat in Criminal Law: Concept, Types, Importance]. In: *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2006, no. 3, pp. 37–40.
11. Krashennnikov A. A. *Ugrozy v ugovolnom prave Rossii (problemy teorii i pravovogo regulirovaniya)* [Threats in Criminal Law of Russia (Issues of Theory and Legal Regulation)]. Ulyanovsk, 2002. 152 p.
12. Levertova R. A. *Otvetstvennost za psikhicheskoe nasilie po sovetskomu ugovolnomu pravu* [Responsibility for Psychological Abuse According to the Soviet Law]. Omsk, 1978. 103 p.
13. Lukyanova I. V. *Ugroza kak prestuplenie v ugovolnom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk* [Threat as a crime in criminal law of Russia: abstract of PhD thesis in Law]. Moscow, 2004. 184 p.
14. Naumov A. V. [Criminal meaning of violence]. In: *Nasilstvennaya prestupnost* [Violent Crime]. Moscow, 1997. P. 51–56.
15. Novikov V. A. [Problems of violent crime taxonomy]. In: *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2013, no. 3, pp. 34–38.
16. Galakhova A. V., ed. *Primenenie nasiliya: ponyatie i kvalifikatsiya* [Causing Violence: Concept and Qualification]. Moscow, Norma Publ., 2016. 335 p.
17. Safonov V. N. *Organizovannoe vymogatelstvo: ugovolno-pravovoi i kriminologicheskii analiz* [Organized Extortion: Criminal-Legal and Criminological Analysis]. St. Petersburg, 2000. 239 p.
18. Serdyuk L. V. *Psikhicheskoe nasilie kak predmet ugovolno-pravovoi otsenki sledovatelem* [Psychological Abuse as a Subject of Investigator's Criminal-Legal Assessment]. Volgograd, 1981. 62 p.
19. Chudnovsky V. S., Chistyakov N. F. *Osnovy psikhiiatrii* [The foundations of Psychiatry]. Rostov-on-Don, Fenix Publ., 1997. 448 p.
20. Jani S. [Crime and fauna (a review)]. In: *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet Justice], 1989, no. 14, pp. 31–32; no. 22, pp. 30–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плешаков Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя;
e-mail: pam7185@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Pleshakov – Doctor of Law, professor at the Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot;
e-mail: pam7185@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Плешаков А. М. Преступное психическое насилие с использованием животных // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 122–129.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-122-129

FOR CITATION

Pleshakov A. M. Criminal Psychological Abuse with the Use of Animals In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 1, pp. 122–129.
DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-122-129